

ВИЛЛИ
БРАНДТ

ГЕНРИ
КИССИНДЖЕР

ВАЛЕРИ
Д'ЭСТЕН

БРЕЖНЕВ

УЙТИ ВОВРЕМЯ

Вожди Советского Союза

Валери д'Эстен

Брежнев. Уйти вовремя (сборник)

«Алисторус»

д'Эстен В. Ж.

Брежнев. Уйти вовремя (сборник) / В. Ж. д'Эстен —
«Алисторус», — (Вожди Советского Союза)

Авторы этой книги – крупнейшие мировые политики XX века: Вили Брандт был федеральным канцлером ФРГ в 1969–1974 годах; Генри Киссинджер являлся советником по национальной безопасности США в 1969–1975 годах и Государственным секретарем США с 1973 по 1977 год; Валерии Жискара д'Эстен занимал пост президента Франции в 1974–1981 годах. Все они поддерживали отношения с СССР в период правления Л.И. Брежнева, неоднократно встречались с советским лидером. В своих воспоминаниях они много пишут о его политике и дипломатии, показывают личность Брежнева под разным углом зрения. Каждый из них по-своему оценивает сильные и слабые стороны Леонида Брежнева как руководителя государства и человека, – при этом воспоминания В. Брандта, Г. Киссинджера и Ж. д'Эстена отражают эволюцию Брежнева и его политики на протяжении почти двадцати лет пребывания у власти.

© д'Эстен В. Ж.

© Алисторус

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
В. Брандт	12
БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА И ОТСТАВКА ХРУЩЕВА	12
ВСТРЕЧИ С БРЕЖНЕВЫМ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вили Брандт Брежнев Уйти вовремя

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (Из книги В.В. Гришина «Катастрофа. От Хрущева до Горбачева»)

Я довольно хорошо знал Леонида Ильича Брежнева. Был, в общем, с ним в неплохих отношениях. Вместе с другими членами Политбюро бывал у него на квартире на Кутузовском проспекте и на даче. Раз в два отдыхали в одно время на соседних дачах в Крыму. Как председателя ВЦСПС, а позже секретаря МК КПСС он включал меня в состав многих партийных делегаций на съезды братских компартий социалистических стран, партийно-правительственных делегаций и делегаций Верховного Совета, которые сам возглавлял.

В первую половину своего почти двадцатилетнего пребывания на посту руководителя партии и страны Л.И. Брежнев много сделал для развития экономики и культуры СССР, укрепления ее положения в мире. С целью обеспечения пропорционального развития, кооперирования и специализации производства, ускорения научно-технического прогресса при нем были упразднены совнархозы, восстановлены министерства и комитеты по отраслям народного хозяйства.

По его инициативе и под руководством Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина была разработана и начала осуществляться экономическая реформа, предусматривающая реконструкцию и техническое переоснащение предприятий, развитие наукоемких и перспективных направлений в экономике. Большое развитие получили электронная, атомная, приборостроительная промышленность, станкостроение, энергетические отрасли, а также производство товаров для населения. На предприятиях и стройках внедрялись хозрасчет, бригадный подряд, экономические методы работы.

Было построено много новых заводов и фабрик, оснащенных современным оборудованием, – автозаводы в Тольятти и Набережных Челнах, крупные комплексы химической промышленности, в том числе по производству искусственного волокна, научные и производственные центры по электронике, производству телевизоров, мощные гидро-, тепло- и атомные электростанции, новые промыслы по добыче нефти и газа, Байкало-Амурская магистраль, – всего не перечислить.

На первом же пленуме ЦК после октября 1964 года были рассмотрены проблемы сельского хозяйства. Был изменен порядок заготовок и закупок у колхозов и совхозов зерна, продуктов животноводства. Вместо ежегодно доводимых заданий установлен порядок, при котором колхозы и совхозы получали пятилетний неизменяемый план продажи государству сельскохозяйственной продукции.

Сверхплановую продукцию было разрешено реализовывать по усмотрению хозяйств. Колхозники и рабочие совхозов наделялись приусадебными и земельными участками, огородами. Снят запрет (наоборот поощрялось) на личное подворье, на то, чтобы иметь в личном хозяйстве сельскохозяйственных животных и птицу. По инициативе Л.И.Брежнева были разработаны и начали осуществляться широкая программа подъема сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР, продовольственная программа, другие важные мероприятия.

* * *

Немалый вклад внес Л.И.Брежнев в укрепление мира и разрядку международной напряженности. Встречался с руководителями, главами государств и правительств многих стран.

Он был человеком приветливым, общительным, располагающим к себе людей. Вспоминаю, как бывший президент США Д. Картер после встречи с Леонидом Ильичом и переговоров в Вене в интервью журналистам заявил: «Здесь, в Вене, в лице Л.И.Брежнева я приобрел себе друга». Вспоминаю также, с каким восторгом встречал Париж, вся Франция Леонида Ильича во время его визита в эту страну по приглашению президента.

Во времена Л.И.Брежнева был ослаблен пресс «холодной войны», развивалось сотрудничество всех стран, осуществлены меры по ослаблению международной напряженности, улучшились отношения с главной страной капитализма – Соединенными Штатами Америки, были достигнуты важные соглашения о нераспространении ядерного оружия, согласован договор по ОСВ-2, противоракетной обороне и другие. Проведено важное Хельсинкское совещание и начался так называемый «Хельсинкский процесс», улучшение международных отношений.

В международных делах, впрочем, как и в делах внутренних, Леонид Ильич Брежнев проявлял инициативу, гибкость, умел пойти на разумный компромисс, а когда была необходимость, он поступал решительно и смело.

* * *

В ЦК КПСС, в Политбюро, у Л.И. Брежнева сложились неодинаковые отношения с членами руководящих органов. Они были неровными в разные периоды работы. Так, вскоре у него обострились отношения с А.Н. Косыгиным, который пользовался уважением среди товарищей по работе, популярностью в народе. Как-то, в мае 1965 года, после заседания Президиума ЦК, мы должны были поехать на стадион им. Ленина в Лужниках, где проходил праздник Дружбы народов. В Москву из Одессы прибыла на мотоциклах эстафета мира, ее участники должны были вручить руководителям страны письмо. А.Н.Косыгин полагал, что это письмо должен принять он, как председатель правительства, но здесь Шелепин и некоторые другие высказались за то, чтобы письмо принимал Л.И. Брежнев. Зашел спор, в ходе которого А.Н. Косыгин сказал примерно следующее: всегда найдутся подхалимы и угодники, которые стремятся угодить начальству, но Леонид Ильич не должен поддаваться подхалимажу. На это Л.И.Брежнев очень рассердился. Я стоял в стороне, ко мне подошел А.Н. Шелепин и предложил вместе выступить против А.Н. Косыгина. Я ответил, что не надо горячиться, что товарищи сами разберутся между собой.

Так мы поехали на стадион. Он был полностью заполнен москвичами. Через громкоговоритель было объявлено о прибытии эстафеты мира из Одессы и привезенном ее участниками послании мира руководителям страны. Несколько делегатов из Одессы через ряды зрителей стали подниматься к правительственной трибуне. Но кто будет принимать письмо? Возникло неловкое положение. Тогда Л.И.Брежнев сказал: «Пусть письмо примет Гришин как председатель ВЦСПС». Пришлось принимать письмо мне и экспромтом говорить речь с благодарностью участникам эстафеты и тем, от кого было написано письмо ЦК и правительству. Этот случай испортил всем членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС настроение.

Мы все постоянно чувствовали натянутость отношений между Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. Наши отношения с Алексеем Николаевичем и его семьей были дружескими. Это стало известно Л.И. Брежневу, и его отношение ко мне к середине 70-х годов изменилось. Он стал относиться ко мне с недоверием, подозрительно и даже с предвзятостью. Однажды в Большом Кремлевском дворце проходило то ли какое-то собрание, то ли сессия Верховного

Совета. Когда я подъехал к подъезду Дворца, неподалеку прохаживались Л.И.Брежнев и А.А. Громыко. Я подошел к ним, поздоровался, и мы стали ходить втроем. Л.И.Брежнев вдруг сказал мне: «Ты, Виктор, придерживайся моей линии, а не линии Косыгина». Я был удивлен. Ответил ему, что у нас общая линия, это линия партии, ее программа и устав, решения съездов и пленумов ЦК. Этой линии мы все и придерживаемся. А.А. Громыко молчал.

В конце 70-х годов на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС, думаю, что по подделке или в угоду Леониду Ильичу, с резкой критикой А.Н.Косыгина выступил председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков. Он сказал, что Председатель Совмина не читает его – председателя Госплана – записок, не читает документы, идущие в Совет министров, не вникает глубоко в работу и т. п. А.Н. Косыгин возражал, говорил, что все поступающие к нему документы внимательно рассматриваются. Получилось все довольно некрасиво. Мы, некоторые члены Политбюро ЦК, вынуждены были вмешаться, чтобы прекратить эту неподходящую для работы Политбюро ЦК перебранку.

Вскоре А.Н.Косыгин заболел. У него случился инфаркт миокарда. Л.И.Брежнев решил отправить его на пенсию. Он позвонил мне по телефону (наверное, как и другим членам Политбюро) и стал уговаривать освободить А.Н. Косыгина от обязанностей Председателя Совета Министров СССР и выдвинуть на это место Н.А. Тихонова, работавшего заместителем Председателя Совмина. Я высказал соображение, что может быть А.Н.Косыгин еще сможет поработать, приносить пользу стране. Л.И. Брежнев, сославшись на мнение начальника четвертого главного управления Минздрава СССР Е.И.Чазова, сказал, что А.Н.Косыгин работать уже не сможет. Да и вообще Н.А. Тихонов будет работать хорошо, он лучше Косыгина составит государственный план. Но это, конечно, была совершенно неравноценная замена.

А.Н.Косыгин недолго пробыл на пенсии и вскоре умер. Было решено похоронить его на Красной площади, урну с прахом умершего установить в Кремлевской стене. Л.И. Брежнев сказал, что на похороны он не пойдет, но после наших уговоров принял участие в траурной церемонии.

* * *

Л.И.Брежнев был человеком общительным, умел расположить к себе людей. У него было много друзей, с ними он был хорош. Но решительно освобождался от тех, к кому питал недоверие. Были работники, к которым относился просто терпимо. Его самыми близкими друзьями в Политбюро были Щербицкий, Андропов, Громыко, Устинов, Кунаев. Ревностно он относился к А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному. Ко мне вначале отношение было неплохим, но примерно с середины 70-х годов, под влиянием некоторых работников секретариата и иных «доброхотов» отношение изменилось.

Он принимал крутые меры, освобождался от тех, кто вел закулисные разговоры о недостатках его работы, отрицательно высказывался о нем и т. п. Так, во второй половине 60-х годов Брежневу было доложено (по-видимому, Ю.В.Андроповым), что группа бывших комсомольских работников собирается, ведет разговоры о возможной замене руководства партии. В группу входили А.Н.Шелепин, В.Е.Семичастный, Н.Г. Егорычев, В.С.Толстиков, А.П.Волков и кто-то еще. С подачи В.В. Щербицкого в опалу попал П.Е. Шелест. Он был переведен на работу зам. председателя Совмина СССР, освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КПУ. Все эти товарищи были сняты с занимаемых постов. Одни переведены на другую работу, другие отправлены на пенсию. На пленуме ЦК КПСС тт. Шелепин, Воронов, Шелест тайным голосованием были выведены из членов ЦК КПСС.

В мае 1977 года на Пленуме ЦК, после обсуждения основного вопроса, как бы между прочим председательствующий М.А. Суслов предложил освободить от обязанностей члена Политбюро ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного. В поддержку

этого предложения сразу выступили два-три человека. М.А.Суслов не дал слово Н.В. Подгорному, хотя тот пытался что-то сказать («Ты посиди, подожди», – сказал ему Суслов), быстро поставил вопрос на голосование, и Н.В. Подгорный был освобожден от занимаемых постов. Пленум закрылся. В комнате президиума сразу после окончания пленума растерянный Н.В. Подгорный сказал: «Как все произошло неожиданно, я работал честно» – и, расстроенный, ушел. Этому делу предшествовали высказывания А.П. Кириленко, М.А. Суслова и некоторых других: зачем нам нужно иметь двух Генеральных секретарей? Вскоре на сессии Верховного Совета СССР вместо Н.В. Подгорного Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран Л.И. Брежнев.

* * *

До смещения Н.С.Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 года Л.И. Брежнев и Н.В. Подгорный были очень дружны. Именно Н.В. Подгорный был вдохновителем, а Л.И. Брежнев и другие – исполнителями освобождения Н.С.Хрущева от занимаемых постов. На заседании Президиума ЦК, когда надо было решать, кому быть первым секретарем ЦК, Л.И.Брежнев предложил кандидатуру Н.В. Подгорного. Но тот сказал: «Нет, Леня, берись ты за эту работу». Так Л.И. Брежнев стал первым секретарем ЦК партии, а затем Н.В. Подгорный занял пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Первое время в их отношениях было все хорошо. Но потом у Л.И.Брежнева стало проявляться недовольство тем, что Н.В. Подгорный старается вести себя во всем на равных с Брежневым. Кроме того, он стал выражать недовольство проявлением мании величия Л.И. Брежнева, осуждая восхваления и славословия в его адрес. Однажды мне пришлось присутствовать на юбилее одного из секретарей ЦК КПСС. У него в гостях были Брежнев с женой, Подгорный, Кириленко, я и некоторые другие члены Политбюро и секретари ЦК. Присутствующие поздравляли хозяев с юбилеем. Но больше слов говорилось в адрес Генерального секретаря ЦК. Когда юбиляр произносил свой тост, то он в основном говорил о Брежневе, о его заслугах перед партией и страной. Возмущенный происходящим, Подгорный, обращаясь к Леониду Ильичу, сказал: «Леня, как ты можешь терпеть такие славословия в свой адрес? Почему ты не прекратишь это восхваление? Это не годится не только для руководителя, но и для простого коммуниста. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я готов за тебя подставить свою грудь под пули, но я не могу видеть, как ты, по существу, поощряешь возвеличивание себя».

Говорил он это громко, возбужденно. Брежнев стал ему возражать, говоря что, мол, ничего предосудительного здесь сказано не было, что товарищи хотят и могут высказывать свои мысли, свои оценки деятельности любого из нас, что ты, Николай Викторович, всегда сгущаешь краски, всегда чем-то недоволен и т. п. В общем, произошла серьезная размолвка между Брежневым и Подгорным. Настроение у всех было испорчено, и вскоре мы разъехались по домам.

Были и другие случаи, когда Подгорный высказывал осуждение Брежнева за его манию величия, поощрение хвалебных в свой адрес выступлений и славословий. В узком кругу он прямо осуждал Брежнева за приверженность к культу личности, за его любовь к лести и подбострастию. Подгорный не стремился и, я убежден, не желал занять место Генерального секретаря ЦК. Его возмущало благосклонное отношение Брежнева к подхалимажу и возвеличиванию своей персоны. В свою очередь Брежнев не скрывал неудовлетворенность Подгорным за его критические высказывания в свой адрес.

Все это, а также желание быть первым лицом не только в партии, но и в государстве, послужило причиной отставки Подгорного в 1977 году и занятия Брежневым, наряду с должностью Генерального секретаря ЦК, поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

* * *

Во второй половине 70-х годов состояние здоровья Брежнева резко ухудшилось. Речь его стала невнятной, – как говорил сам Леонид Ильич, что-то не получается с протезированием зубов (в период Великой Отечественной войны Леонид Ильич получил ранение челюсти), и, несмотря на все усилия наших врачей, а также специалистов из Германии, проблемы с речью у Леонида Ильича оставались до последних дней его жизни. Вследствие этого доклады и выступления произносились нечетко, шепеляво, хуже воспринимались слушателями, вызывали насмешки и разговоры у людей. У нас, его товарищей по Политбюро, это вызывало сочувствие и сожаление.

В 1974 или 1975 году он месяца три не работал, находился в загородной больнице, перенес какое-то заболевание. Официально об этом ничего не говорилось. Даже большинство членов Политбюро ЦК не были поставлены в известность, что же с ним было. Бывший в то время начальником четвертого главного управления Минздрава СССР Е.И. Чазов сказал: «Проведено лечение последствий военных лет». Возможно, это был инфаркт или какая-то серьезная операция.

Появились склеротические явления, нетвердость походки, быстрая утомляемость. Резко снизилась работоспособность. Постепенно дело подошло к тому, что без написанного текста он не мог выступать не только в больших аудиториях, но даже на заседаниях Политбюро ЦК. Хотя они проходили регулярно (каждый четверг), продолжительность резко сократилась, они стали длиться час, максимум полтора часа. По вопросам повестки дня Леонид Ильич зачитывал подготовленные его секретариатом записки и проекты решений, которые должны быть приняты.

На встречах с различными иностранными делегациями, руководителями государств и партий он зачитывал подготовленный ему материал без каких-либо комментариев. Некоторые зарубежные деятели говорили, что «переговоров не было, Брежнев лишь зачитывал подготовленные ему справки». Они оставались неудовлетворенными встречами с советским руководителем. Справки и выступления за Брежнева готовили помощники из его секретариата. Они и как бы определяли направление деятельности Генерального секретаря ЦК, а следовательно, определяли политику ЦК и правительства.

В Президиуме Верховного Совета СССР Л.И.Брежнев почти всю работу переложил на первого заместителя Председателя Президиума В.В.Кузнецова, для этого и была создана такая должность, раньше ее не было. Л.И.Брежнев очень прислушивался к мнению своих близких. За время работы он перевел в Москву и расставил на руководящие посты много знакомых, сослуживцев по прежней работе. В Москву перебралось множество днепропетровцев.

* * *

В Политбюро со второй половины 70-х годов сложилась группа товарищей, которые подготавливали предложения, вопросы, касающиеся как внутренних, так и внешнеполитических проблем. Эта группа состояла из наиболее приближенных Л.И. Брежневу людей, которым он полностью доверял и полагался на их предложения и рекомендации. В нее входили в разное время Ю.В.Андропов, К.У. Черненко, А.А. Громыко, Д.Ф.Устинов, Н.А.Тихонов. Они часто собирались (вне рамок Политбюро ЦК), обсуждали наиболее важные проблемы внутренней и международной жизни, политики, решений партии и правительства, докладывали свои предложения Л.И. Брежневу и по согласованию с ним вносили вопросы в Политбюро ЦК. Иногда какие-то вопросы решались ими в оперативном порядке. Их предложения, как правило, проходили в Политбюро, ибо они их дружно отстаивали, пользовались своими близкими отношениями с Генеральным секретарем ЦК КПСС, да и просто в силу занимаемых должностей.

Создание, работа этой группы видных деятелей, видимо, была необходимой и полезной. Это восполняло недоработки Генерального секретаря ЦК, вызванные его физической слабостью и нездоровьем. Но, вместе с тем, в известной (причем значительной) мере они подменяли Политбюро ЦК, находились на каком-то особом положении в Политбюро, принимали важные решения, минуя коллегиальный руководящий орган партии. В группе рассматривались вопросы обороны, оборонной промышленности, внешнеполитические шаги Советского государства, некоторые кадровые вопросы. Она располагала такими сведениями и информацией, о которых другие члены Политбюро ничего не знали. Некоторые не оправдавшие себя шаги и решения лежат на совести этой группы.

Неудачным было ближайшее окружение Л.И.Брежнева – его помощники, референты, консультанты. Во многом влияли на выработку внутренней и внешней политики такие люди в аппарате ЦК или внештатные консультанты, как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Черняев, Шахназаров, Загладин и другие. Отношения строились на принципах угодничества и беспрекословного подчинения патрону. Материалы и предложения готовились только угодные Генеральному секретарю. Докладывалось то, что было ему приятно.

* * *

Непомерно было стремление к возвеличиванию и прославлению Леонида Ильича. Его секретариат (и прежде всего помощник В. Голиков) занимался написанием книг, которые потом шли за подписью Генерального секретаря ЦК (за что ему была даже присуждена Ленинская премия), писались биографические книги, издавались шикарные фотоальбомы о Леониде Ильиче. Составители этих книг или альбомов не забывали и о своих выгодах. Ряд из них получили Ленинские, Государственные премии, награждены правительственными наградами.

Все это плохо воспринималось в партии и народе, порождало различные слухи, пересуды и анекдоты. Падал авторитет Генерального секретаря ЦК. Этому способствовали и личные слабости Леонида Ильича Брежнева. Он очень любил получать награды и всяческие почести. Никак не украшали его четыре звезды Героя Советского Союза, многие ордена, полученные в мирное время, главным образом, по случаю дней рождения и других дат. Были люди, которые старались угодить первому руководителю страны, вносили предложения приятные ему, но вредящие его авторитету. Так, за подписью многих видных военачальников – министра обороны СССР А.А. Гречко, всех его заместителей, членов коллегии министерства, почти всех маршалов Советского Союза в Политбюро ЦК КПСС поступило письмо о присвоении Л.И.Брежневу звания Маршала Советского Союза (поскольку он является Председателем Совета обороны страны). Что нам было делать? Коллегия Минобороны в полном составе пришла на заседание Политбюро при рассмотрении этого вопроса. Решение было принято, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР. Появился новый Маршал Советского Союза.

Примерно таким же порядком решался вопрос о награждении Л.И. Брежнева орденом Победы (кажется, это было решение к его 70-летию). Он очень гордился своими наградами. Пять золотых звезд, три медали лауреата различных премий носил постоянно. Был и такой случай, когда на открытии мемориала Победы в Великой Отечественной войне в Киеве он приехал не только в звездах, но и украшенный многими орденами, в том числе и орденом «Победа». Также в орденах и медалях прибыли украинские руководители. Я ездил на эти торжества в поезде Леонида Ильича. Когда он меня увидел в обычной одежде, без наград он сказал: «Жаль, что не предупредили тебя о нашем решении надеть на праздник правительственные награды»...

Л.И. Брежнев, особенно в последние годы работы, в силу своего характера и благодаря старанию окружения и многих подбострастных людей, как-то уверился в своей непогрешимости, умении предвидеть события, своей особой одаренности, даже величии и вседозволенности.

ности. Это ему очень вредило, подрывало авторитет, вызывало неудовольствие людей. Вообще плохо сказывалось на работе партии и общем положении в стране.

* * *

К началу 80-х годов стали нарастать трудности в хозяйстве нашей страны. Замедлились темпы роста промышленного производства, сократились капитальные вложения в жилищное и бытовое строительство, замедлилось повышение жизненного уровня населения. Во многих городах и районах страны стали отмечаться перебои в снабжении мясом, маслом и другими продуктами. Не хватало предметов широкого потребления (одежды и обуви). Это, естественно, вызывало недовольство людей.

В то же время была ослаблена трудовая и производственная дисциплина, увеличились воровство, хищения социалистической собственности и взяточничество. Борьба с этими явлениями велась, но слабо. Недостаточно работали правоохранительные органы. Иногда их работники сами оказывались участниками коррупции. На местах – в республиках, областях, городах и районах борьба с негативными явлениями тоже велась недостаточно...

По слухам, Л.И. Брежнев хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Генеральным секретарем ЦК КПСС Щербицкого, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии. Осуществить это Л.И. Брежнев не успел. Недели за две до намечавшегося пленума ЦК он скоропостижно скончался. Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран Ю.В. Андропов.

В. Брандт
ЭРА БРЕЖНЕВА
(Из книги В. Брандта «Воспоминания»)

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА И ОТСТАВКА ХРУЩЕВА

13 августа 1961 года, когда меня разбудили между 4 и 5 часами утра, специальный поезд для предвыборного турне только что прибыл из Нюрнберга в Ганновер. Железнодорожный служащий передал мне спешное сообщение из Берлина. Отправитель: Генрих Альбертц – начальник канцелярии сената. Содержание: Восток перекрывает секторную границу. Мне надлежит немедленно вернуться в Берлин.

На аэродроме Темпельхоф меня встретили Альбертц и полицей-президент Штумм. Мы поехали на Потсдамскую площадь и к Бранденбургским воротам. Везде одна и та же картина: строители, заграждения, бетонные столбы, колючая проволока, военнослужащие ГДР. В Шенебергской ратуше из поступивших сообщений мне стало ясно, что вокруг города приведены в боевую готовность советские войска, а Вальтер Ульбрихт уже передал свои поздравления подразделениям, строящим стену.

В Далеме, в здании союзной комендатуры, это было мое первое и последнее ее посещение, меня поразила фотография генерала Котикова, бывшего советского коменданта города. Очевидно, его западные коллеги решили, по крайней мере, таким образом отдать дань четырехстороннему статусу Берлина. Однако советская сторона «растоптала» его, передав в этот день свои права распоряжаться в советском секторе властям ГДР, решившим расколоть город.

Какой будет реакция западных держав? Смирятся ли они с тем, что им определяют места перехода границы? Через несколько дней остался только один проход через КПП (контрольно-пропускной пункт) «Чек-пойнт Чарли» на Фридрих-штрассе. И ничего не случилось. Почти ничего. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы служить интересам многочисленных разделенных немецких семей.

Если бы в эти утренние воскресные часы 13 августа я был более хладнокровен, то заметил бы, что высокоуважаемые господа коменданты были ошеломлены и выглядели беспомощными, не получив никаких указаний свыше. Американец с озабоченным видом намекнул, что из Вашингтона ему дали понять: ни в коем случае нельзя допускать непродуманных действий и тем более чинить препятствия – ведь никакой непосредственной опасности для Западного Берлина не существует.

Президент Соединенных Штатов находился в это время на борту своей яхты. Лишь позже я узнал, что он был своевременно обо всем проинформирован. Его интересовало лишь, не нарушены ли права союзников, а вовсе не то, что права всего Берлина оказались на помойке истории.

Действительно, из воспоминаний его сотрудников очевидно, что президента Кеннеди беспокоила мысль о возможных военных последствиях. Уже в начале кризиса он заметил: «Я могу привести в движение НАТО, если он – Хрущев – что-нибудь предпримет против Западного Берлина, но не шевельну и пальцем, если он что-то затеет с Восточным». 13 августа в Белом доме еще исходили из того, что поток беженцев через Берлин следует лишь сдерживать, но не прекращать.

Глубочайшее заблуждение! И все-таки это было больше, чем услышанное от официального Бонна. В день начала сооружения стены мне позвонил министр иностранных дел Генрих фон Брентано и сообщил: «Отныне нам необходимо тесное сотрудничество». И все... Феде-

ральный канцлер хранил молчание. Один американский наблюдатель впоследствии записал в своем дневнике: «В Бонне царил двойной страх: там, с одной стороны, боялись, что американцы проявят чрезмерную пассивность, а с другой – что они поведут себя агрессивно!»

Но я сам не знал, какие действенные меры предложить в ответ. Я лишь сказал, не скрывая от комендантов своего волнения: «Протестуйте же, по крайней мере, против этого не только в Москве, но и в других столицах стран Варшавского Договора!»

Непосредственно перед этим Центральный Комитет СЕПГ сообщил, что ограждение Восточного Берлина проводится в соответствии с решением правительств государств – участников Варшавского Договора. Я предложил немедленно послать на секторную границу хотя бы патрули, чтобы как-то подавить чувство неуверенности и показать западноберлинцам, что им ничто не угрожает!

Прошло двадцать часов, прежде чем на внутригородской границе появились первые военные патрули. Прошло сорок часов, прежде чем был направлен протест советскому коменданту. Прошло семьдесят два часа, прежде чем в Москве был получен протест. Звучал же он весьма обыденно.

Между тем в городе лились слезы. В моем избирательном округе Веддинге люди прыгали из окон прилежащих к границе домов в растянутые спасательные полотна, и далеко не для всех это заканчивалось благополучно.

* * *

16 августа я написал президенту Кеннеди о всей серьезности сложившейся ситуации и о глубоком кризисе доверия. Ведь, если дело дойдет до провозглашения Западного Берлина вольным городом со всеми вытекающими для него негативными последствиями, возникнет опасность бегства населения. Я предложил усилить американский гарнизон, подчеркнуть ответственность трех держав за судьбу Западного Берлина, указать на то, что германский вопрос не следует считать решенным и что он должен стать темой для обсуждения в Организации Объединенных Наций. Я с горечью писал о том, что переговоры с Советским Союзом были отклонены, потому что нельзя было их вести «под давлением». А теперь, продолжал я, когда мы подвергаемся самому откровенному шантажу, я уже слышу, что переговоров не избежать. В подобной ситуации особенно важно проявить хотя бы политическую инициативу, если уж возможность других активных действий сейчас ничтожно мала. После того как мы смирились с незаконным шагом Советского Союза, а именно таковым мы его и считаем, с учетом многочисленных трагедий, которые разыгрываются сегодня в Восточном Берлине и во всей советской зоне Германии, нам всем не избежать принятия самых решительных действий на собственный страх и риск.

Кеннеди приказал перебросить в город дополнительные воинские подразделения и прислал мне свой ответе курьером.

Им был Линдон Джонсон, который 19 августа прибыл в город и с чисто техасской беспечностью пытался мне доказать, что положение не столь уж серьезно, как всем кажется. В своем письме президент откровенно признал: «О военном конфликте не может быть и речи, а большинство предложенных мероприятий – это пустяки по сравнению с тем, что уже произошло». Не это ли послание подняло занавес и показало, что сцена пуста?

Через несколько дней после первой годовщины возведения стены, 17 августа 1962 года, от потери крови умер Петер Фехтер, 18-летний рабочий-строитель. Это случилось по ту сторону КПП «Чек-пойнт Чарли». Мы не могли, мы не имели права помочь ему. Его смерть вызвала широкий резонанс и всеобщее возмущение. Прошли гневные траурные демонстрации. Кое-кто из молодых предлагал взрывами пробить брешь в стене. Другие копали под ней туннели и помогали благодарным им за это согражданам до тех пор, пока некоторые безответ-

ственные лица не стали зарабатывать на этом деньги. Одна бульварная газета обвинила меня в предательстве за то, что я подключил полицию для охраны стены.

Однажды вечером меня вызвали в ратушу. Намечалась, судя по всему, студенческая демонстрация протеста. Я обратился к собравшимся через громкоговоритель, установленный на полицейской машине: «Стена тверже, чем лбы, которыми вы пытаетесь ее пробить, – сказал я, – бомбами ее не уничтожить».

Сразу после возведения стены стали разыгрываться ужасные сцены. Сцены бессильной ярости, голос которой вырывался наружу, но которую приходилось сдерживать в себе. Существует ли для оратора более трудная задача? После кризиса в августе 1962 года я побывал на многих предприятиях и в учреждениях. Я пытался объяснить берлинцам, что можно сделать, а что – нет. Что же было возможно? И что было невозможно? Этот вопрос преследовал меня в течение всех последующих лет. После возведения стены речи и соответствующие формулировки еще какое-то время оставались почти прежними. Но то, что все вокруг стало не таким, как раньше, понимал каждый. Начался поиск путей, хоть как-то облегчающих тяготы разъединения. Раз уж нам суждено было длительное время сосуществовать со стеной, то надо было как-то сделать ее проницаемой. Как прийти к «модус вивенди» в отношениях между обеими частями Германии? Какие усилия предпринять, чтобы превратить центр Европы в зону прочного мира?

Осенью 1957 года я стал правящим бургомистром Берлина. Десять лет отвечал за судьбы людей в осажденном городе. В Берлине я стоял на стороне тех, кто сопротивлялся насильственному распространению коммунистической идеологии и мертвой хватке сталинизма.

Это была чистейшая самооборона, мой долг по отношению к людям, которые много пережили и хотели начать все сначала. В то же время это была и забота о сохранении столь непрочного мира. Позже это стало еще очевидней: мы поступили правильно, когда в 1948 году не дрогнули перед блокадой, в 1958-м – перед ультиматумом Хрущева, а в 1961-м – перед выросшей стеной. Речь шла о праве на самоопределение. Речь шла также о том, чтобы добровольной капитуляцией не вызвать цепную реакцию, которая могла бы вылиться в новый военный конфликт.

Берлинский опыт научил меня: бессмысленно пытаться пробить лбом стену, если только эта стена не из бумаги, но вместе с тем никогда не следует мириться с произвольно воздвигаемыми преградами. Не каждому это принесет пользу поначалу, но жизнь многих зависит от того, насколько упорно мы будем бороться за торжество разума и взаимопонимание. Права человека не падают с неба, гражданские свободы – тоже...

* * *

Еще 10 ноября 1958 года советский партийный лидер и глава правительства Хрущев предъявил во Дворце спорта в Москве ультиматум: в течение шести месяцев Западный Берлин должен быть превращен в «вольный город», оккупационный статус ликвидирован, а права Советского Союза переданы ГДР. Он заявил, что в случае противодействия будет заключен сепаратный мирный договор с ГДР, и более или менее завуалированно пригрозил применением силы по отношению к городу и коммуникациям, на пользование которыми западные державы имели исконные права (в июне 1949 года все четыре державы согласились восстановить порядок, существовавший до блокады, и улучшить транспортное сообщение с Берлином). Теперь меня все время занимал вопрос, как увязать одно с другим. Не так уж трудно было понять, что формулы о «свободном доступе», изрядно истрепавшейся за месяцы ультиматума, недостаточно. Может, я был и не прав? Поначалу потребовались большие усилия, чтобы отклонить ультиматум и преодолеть кризис вне Берлина в большей степени, чем в нем самом.

Откуда у Хрущева взялась убежденность в том, что берлинцы в массовом порядке побегут из города и он, как гнилой плод, упадет в руки ГДР, я так никогда и не узнал. Но, так или иначе, он заявил через Хальварда Ланге, долгие годы бывшего министром иностранных дел Норвегии, о моей дружбе с которым он, очевидно, знал, что вопрос о Западном Берлине отпадет сам по себе; население сбежит, а экономика развалится. Через несколько лет один высокопоставленный советский работник считал нужным меня предупредить: берлинская проблема решится сама собой – это всего лишь вопрос времени. Впрочем, это никогда не мешало Кремлю использовать бывшую столицу рейха в качестве рычага для защиты своих интересов в других частях света.

Провозглашенный Хрущевым «вольный город» я определил как лишенный правовой защиты и высказался за решительный отпор. Я был уверен, что берлинцы согласны со мной. В критических ситуациях я шел на предприятия и во время бесед по реакции на мои слова убеждался, в чем меня поддерживают, а в чем нет. В Бонне, где звучали весьма воинственные нотки, не было единого мнения. Заведующий восточным отделом МИДа Георг-Фердинанд Дуквитц посетил меня в берлинском представительстве и попытался уговорить: «Соглашайтесь с предложением о создании вольного города! Распространите его на весь Берлин. Ничего лучшего Вы не дождетесь». Между тем «Дуки» был одним из самых доброжелательных и всегда давал дельные советы. Во время войны он использовал свою должность эксперта по судоходству при имперском уполномоченном в Копенгагене и получаемую в этой связи информацию для того, чтобы помочь многим датским евреям бежать в Швецию.

Его своевольный совет не соответствовал официальной точке зрения. Правительство не хотело ничего знать об инициативах относительно всего Берлина. По крайней мере, до той конференции западных министров иностранных дел, которая состоялась в начале драматического августа 1961 года в Париже. В Бонне вообще скептически относились к инициативам. Вследствие чего я, например, на свой страх и риск, не подключая правительство или союзников, установил связь с президентом Федерального банка. Карл Блессинг должен был, по крайней мере, растолковать мне, как могла бы выглядеть формально самостоятельная, но привязанная к западногерманской марке берлинская валюта.

Ультиматум, который Кремль 27 ноября «выдал» в форме ноты, истекал через шесть месяцев. 1 мая 1959 года, незадолго до истечения этого срока, на площади Республики собрались – по данным полиции – около 600 тысяч человек. От их имени я и обратился к гражданам всего мира: «Посмотрите на народ Берлина, и вы поймете, чего хотят немцы!» Право на самоопределение должен иметь и наш народ. Грубое вмешательство в наши внутренние дела нетерпимо. В то время как в других частях света ликвидируется колониальное господство, нельзя допускать, чтобы в центре Европы пустил корни новый колониализм.

* * *

27 мая истекал срок ультиматума. Это был самый обычный день. Не произошло ничего – абсолютно ничего, что могло бы значительно облегчить положение. Сомнения, связанные с намеченной конференцией министров иностранных дел, оказались вполне обоснованными. Я был разъярен, узнав, что западные державы без всякой необходимости согласились на секретное обсуждение берлинского вопроса и не выступили бескомпромиссно против стремления Советского Союза отделить Берлин от Федеративной Республики. Перед этим Бонн внушил западным министрам иностранных дел, что речь идет не о ГДР, а лишь «о так называемой ГДР» – глава Форин Оффис Селвин Ллойд превратил это в шутку и назвал министра иностранных дел ГДР, который так же, как Генрих фон Брентано, сидел за отдельным столом, не иначе как «так называемый мистер Больц». Федеральное правительство в жизненно важном вопросе связей Берлина с ФРГ и впрямь вело себя не слишком настойчиво. Так, например, председа-

тель бундестага подвергся в Бонне, а не в других столицах западных государств, как это предполагалось, соответствующей обработке, с тем чтобы не назначать выборы нового федерального президента в Берлине. Аргументировалось это тем, что нельзя бросать вызов русским.

Хрущев отменил берлинский ультиматум во время визита в Соединенные Штаты в 1959 году после встречи с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Однако тот, кто после этого рассчитывал на спокойствие и улучшение обстановки в Берлине, был большим мечтателем. Ибо после отмены ультиматума изменилась, возможно, форма, но не содержание советской политики. Тон оставался таким же резким, каким он был всегда. Многие были убеждены, что новая атака на Берлин – это лишь вопрос времени и подходящего случая. Однажды в мае 1960 года в представительство Берлина в Бонне явился министр обороны Штраус и изложил мне с глазу на глаз военную обстановку. Его вывод: «Берлин невозможно защитить». Мне следует понять, что Берлин становится для западной политики в целом и для Федеративной Республики в особенности несносным бременем. Нам надо совместно добиться «в какой-то мере приемлемого выравнивания фронтовой линии». Для того чтобы правильно понять стратегию Штрауса, которой я никогда, даже намеком, не воспользовался, нужно было знать следующее: американская сторона поставила перед ним вопрос о возможности использования бундесвера при реальном осложнении обстановки. До его сведения было доведено, что в случае развязывания боевых действий за пути доступа к Берлину не исключена возможность применения тактического атомного оружия. Порой бывает так, что тех, кто громче всех кричит, легче всего запугать.

В те суровые дни – в сообщениях прессы они выглядели еще суровее, чем в действительности, – я совершенно неожиданно получил воодушевившую меня поддержку. Женщина-врач, жившая в Берлине, привезла мне из Ламбарена зуб слона. Сопроводительная записка Альберта Швейцера гласила: «Я знаю, что бургомистр Берлина должен уметь показывать зубы».

* * *

Берлинский кризис, раздутый Хрущевым в 1958 году, кончился 13 августа 1961 года изоляцией «собственной» части города. Кремль понял, что по крайней мере в ближайшее время западную часть города ему не получить. Где бы я ни был, в том числе и во время предпринятого мной еще в начале 1959 года по заданию федерального правительства кругосветного путешествия, я всюду разъяснял, что берлинский кризис является не причиной, а следствием глобальных политических противоречий. Решающим выводом тех лет явилось понимание того, что Берлин лишь тогда сможет вздохнуть свободно, когда «холодная война» отступит на второй план, и с другой стороны – из Берлина нельзя перевернуть весь мир. От нас по-прежнему требовалась воля к самоутверждению, ведь стену в то время еще только собирались построить. В 1959 году я записал слова, ставшие девизом соглашения по Берлину 1971 года: «Берлин не аванс, а пробный камень разрядки».

Могло ли что-то измениться в проблеме берлинского кризиса, как и в проблеме воссоединения Германии, если бы состоялся серьезный и откровенный разговор между Конрадом Аденауэром и Никитой Хрущевым? Этот вопрос я должен, соблюдая соответствующую дистанцию, задать и самому себе. Ибо советский руководитель предложил в 1959-м и в 1963 году принять меня в Восточном Берлине, так же как он в 1962 году изъявил желание встретиться с Аденауэром.

Когда наметился визит Хрущева в Бонн, Аденауэр как раз ушел в отставку. Зять кремлевского руководителя Алексей Аджубей, в то время главный редактор газеты «Известия», в 1964 году приехал в Бонн. Я встречался с ним наедине и в окружении консервативно настроенных редакторов, пригласивших его. Казалось, ничто не препятствует визиту Хрущева в Бонн.

Эрхард был готов с удовольствием его принять. Однако в октябре время правления кряжистого Никиты Сергеевича истекло.

Намерение нанести визит в Западную Германию было одним из звеньев в цепи событий, приведших к его свержению. Ошибки во внутренней и внешней политике, включая бряцание ядерным оружием во время кубинского кризиса, составили другие звенья. Последний толчок, очевидно, дали жалобы руководства ГДР на Аджубея и его сентенции по поводу воссоединения Германии.

ВСТРЕЧИ С БРЕЖНЕВЫМ

Как и многие не столь видные русские, Леонид Брежнев был склонен переоценивать немцев. С одной стороны, это, возможно, было связано с Марксом и Энгельсом, без которых Ленин в какой-то мере остался бы без имени. С другой стороны, – и это было важнее: ведь эти проклятые «фрицы» почти что взяли Москву, хотя они одновременно дрались с англичанами и американцами. Докуда же они дошли бы в следующий раз, если бы у них было американское оружие? А то, что они создали после 1945 года, – это тоже не мелочь!..

Нет сомнения в том, что руководство и народ были рядом, когда речь шла о преодолении тяжелого наследия Второй мировой войны. Брежнев сказал, что поворот к лучшему – не простое, нелегкое дело. Между нашими государствами и нашими народами стоит тяжелое прошлое. Двадцать миллионов человек потерял советский народ в развязанной Гитлером войне. Это прошлое не вычеркнуть из памяти людей. Многим миллионам немцев также пришлось сложить голову в этой войне. Память об этом жива. Может ли и советский народ быть уверенным в том, что внешняя политика создаст новые основы взаимоотношений?

Он сказал это во второй половине дня 12 августа 1970 года. В Екатерининском зале Кремля он стоял позади меня, когда я вместе с Алексеем Косыгиным и обоими министрами иностранных дел подписывал Московский договор. Первоначально мое присутствие вообще не предусматривалось. Министр иностранных дел Шеель по инициативе советских партнеров по переговорам позвонил в Норвегию, где я проводил отпуск, и дал понять, что мне нужно приехать. Какая тяжелая дата! Какой весомый договор! Я и так не мог и не хотел уклоняться от бремени, которым этот договор должен стать для многих немцев. Нельзя было объявить несостоятельными итоги гитлеровской войны, но смягчить ее последствия было необходимо как с патриотической точки зрения, так и с точки зрения европейской ответственности. Своим землякам я сказал из Москвы, что договор не угрожает ничему и никому; он должен помочь расчистить путь вперед.

На следующий день – 13 августа – я должен был произнести речь по случаю годовщины возведения берлинской стены, однако мои любезные хозяева нашли отговорку, что с технической точки зрения будет трудно передать запись моего выступления в Бонн. В полной уверенности, что меня подслушивают, я громко и отчетливо разговаривал в здании посольства, дав им таким образом понять, что, если понадобится, я затребую из Бонна самолет, который доставит пленку с записью моей речи домой. Реакция последовала немедленно. Когда мы направлялись к Кремлевской стене для возложения венка, один высокопоставленный чиновник шепнул мне: «С передачей все будет в порядке». Мне выделили какого-то сутулого министра, который не спускал с меня глаз.

* * *

Первое впечатление, которое произвел на меня во второй половине августовского дня в своем мрачноватом кремлевском кабинете Брежнев, было утомительным. Да и как могло быть иначе, если тебе в течение почти двух часов зачитывают какой-то текст? За первым чтением после моих реплик последовало второе, а отреагировать на «второе выступление» у меня почти не осталось времени, хотя в нашем распоряжении имелось четыре часа. Перед тем как пригласить меня для беседы, Генеральный секретарь неожиданно для нашей стороны явился на церемонию подписания договора. Он пришел также на коктейль, но извинился, что не сможет быть на ужине, так как недавно выписался из больницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.